

ПРОЦЕСС РУТИЛИЯ РУФА И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ*

В статье рассматриваются обстоятельства процесса П. Рутилия Руфа 93 или 92 г. до н.э. Автор приходит к выводу, что причиной осуждения Рутилия стало недовольство не только всадников или Мария, как обычно считается, а целой группы влиятельных сенаторов – помимо Мария, основания для недовольства действиями Рутилия в качестве легата наместника провинции Азия имели также консуляры Эмилий Скавр (принцепс сената!) и Маний Аквиллий. Именно их позиция, очевидно, предопределила приговор всаднического суда, члены которого вряд ли бы решились по своей воле осудить консуляра Рутилия.

Ключевые слова: процесс Рутилия Руфа, Гай Марий, Эмилий Скавр, политика 90-х годов до н.э.

Девяностые годы I в. (здесь и далее все даты – до н.э.) стали затишьем между двумя бурями римской истории. Однако известно об этом времени не так уж много, и Э. Бэдиан резонно называет 90-е годы dark age. Причем концом указанного периода во внутренней жизни Рима он считает то событие, которому посвящена наша статья¹. Верна ли такая оценка? Каковы были обстоятельства, сопутствовавшие процессу Рутилия Руфа? Когда он вообще произошел? Писалось на эту тему немало, высказывались самые различные точки зрения, однако далеко не со всеми можно согласиться, тем более что некоторые важные обстоятельства ускользнули от внимания ученых.

Несколько слов о предшествующей биографии Рутилия Руфа. Как и Марий, он был homo novus и, очевидно, клиент Метеллов. Совсем молодым человеком Рутилий (опять-таки, как и Марий) участвовал в Нумантинской и Югуртинской войнах. В 105 г. он добился консулата – всего через два года после Мария, и ему дважды передавал под командование армию: в Нумидии после отзыва Метелла и в 105/104 г. после разгрома войск Сервилия Цепиона и Маллия Максима при Араузионе. В 100 г. Рутилий принял участие в борьбе с Апулеем Сатурнином². Позднее был легатом³ консула 95 г. Квинта Муция Сцеволы, когда тот девять месяцев

Короленков Антон Викторович – кандидат исторических наук, научный редактор редакции журнала «Новая и новейшая история».

* Данная статья представляет собой расширенный и переработанный вариант доклада, прочитанного 30 октября 2013 г. на XV Жебелёвских чтениях на кафедре истории древней Греции и Рима СПбГУ. Автор выражает признательность О.В. Любимовой, С.Э. Таривердиевой, Е.В. Смыкову и А.А. Немировскому за советы и помощь в работе над статьей и ее подготовке к публикации.

¹ Badian 1957, 318; Weinrib 1970, 414; Селецкий 1978, 205.

² См. Münzer 1914, 1269–1273 (с указанием источников).

³ У Помпония (Dig. I. 2. 2. 40) Рутилий назван Asiae proconsul, а у Псевдо-Аскония (202 St.) – quaestor (Münzer 1914, 1278; Broughton 1952, II, 8, 9, nt. 6; Alexander 1990, 49, № 94, nt. 1). У. Уоддингтон трактует сообщение Помпония как указание на проконсульство Рутилия в Азии после консулата или претуры, склоняясь больше ко второму варианту (Wadding-

являлся проконсулом Азии, остался на несколько месяцев в провинции после его отбытия, как и его начальник, активно боролся против злоупотреблений откупщиков, а после возвращения в Рим был привлечен к суду по обвинению в вымогательстве. Он не стал прибегать к услугам виднейших ораторов того времени, Антония и Красса, и защищал себя сам, позволив, правда, высказаться в свою пользу своему бывшему шефу Муцию Сцеволе и молодому Гаю Аврелию Котте (в 75 г. тот станет консулом). Обвиняемый, приверженец стоической философии, подражая Сократу, вел себя с достоинством, не стал умолять членов всаднического суда о снисхождении, а просто изложил суть дела, был осужден на изгнание и штраф, превышавший размеры его имущества, и уехал в Митилену (позднее в Смирну)⁴, где провинциалы тепло приняли его и даже будто бы с лихвой возместили ему издержки. Обвинительный приговор Публию Рутилию вызвал возмущение, став впоследствии «образцовым» примером судебной расправы над невиновным, и дал толчок судебной реформе Ливия Друза. Рутилий остался жить в Азии, отказавшись от предложения Суллы вернуться в Рим⁵.

Такова картина, которую мы наблюдаем в источниках. Долгое время она в целом принималась исследователями. Принимались утверждения античных авторов о невиновности Рутилия Руфа, о том, что процесс стал свидетельством произвола всадников в судах и действительно оказался важнейшей причиной судебной реформы Ливия Друза⁶. Особенно ярко и эмоционально охарактеризовал случившееся Т. Моммзен: «Комиссия по делам о вымогательствах перестала служить защитой для жителей провинций; напротив, она превратилась для них в самый тяжкий бич. Явный вор выходил из комиссии оправданным, если не впутывал в дело своих сообщников и не отказывался поделиться с присяжными награбленным добром. Зато горе тому, кто пытался удовлетворить справедливые жалобы жителей провинций; его ждал верный обвинительный приговор»⁷. Бэдиан объявил осуждение Рутилия первой и крупнейшей победой публиканов – правда, они не достигли бы ее без помощи Мария, представителя влиятельного класса землевладельцев, чья поддержка была в данном случае необходима публиканам. «Сенат впервые утратил контроль над управлением. Новый класс, которому Г. Гракх дал власть без ответственности, продемонстрировал, что может пользоваться этой властью безответственно – если не для того, чтобы управлять государством (ибо это не являлось *его* целью и было за пределами его возможностей), то, по крайней мере, препятствовать, чтобы им управляли»⁸.

Более сдержан в своих оценках К. Майер. Он отмечает, что в источниках, в том числе и в нашем случае, именем всадников зачастую называют публиканов – наиболее организованную и сплоченную часть *ordo equester*. Политика занимала их

ton 1872, 32–33; Селецкий 1978, 206 – ошибочно говорится о пропретуре). При Сцеволе Рутилий, возможно, был *legatus pro praetore* (Broughton 1952, II, 9, nt. 6; Marshall 1976, 121; Mackay 2009, 119).

⁴ Иногда ошибочно пишут об удалении Рутилия Руфа после суда в Смирну (Last 1932, 176; Mackay 2009, 120), что противоречит сообщению Диона Кассия (fr. 97. 3).

⁵ Подборку источников см. Münzer 1914, 1274–1276; Alexander 1990, 49, № 94.

⁶ Егоров 1989, 127–128; Ihne 1879, 239–241; Last 1932, 176–177; Schur 1942, 105, 109; Gruen 1966, 53; Weinrib 1970, 420–421; Mackay 2009, 119–121.

⁷ Моммзен 1994, 157. Других примеров, кроме случая с Рутилием Руфом, Моммзен, однако, не приводит. Тем не менее Р. Бернхардт в смягченном виде принимает оценки Моммзена (Bernhardt 1985, 188).

⁸ Badian 1972, 91–92. Курсив мой.

в той степени, в какой касалась их экономических интересов. Политические воззрения всадников отличались консерватизмом, и они почти всегда поддерживали сенат. Несмотря на переход в их ведение *quaestiones repetundarum*, что значительно усилило их позиции, в том числе и в провинциях, они не демонстрировали сенаторам открыто свою власть. Что же касается процесса Рутилия, который Майер вслед за другими учеными датирует 92 г.⁹, то это «совершенно особый случай. Ведь речь шла не просто о том, что наместник повел жесткую борьбу против публиканов, отстаивая порядок и справедливость, но о том, что легат Рутилий и наместник Кв. Муций Сцевола стали проводниками новой, вдохновлявшейся принципом сената М. Эмилием Скавром политики сената, которая предполагала коренные перемены в положении провинций, в первую очередь жестоко угнетаемой Азии, иными словами, хотели изжить укоренившуюся прежде всего по вине публиканов практику разорения (*Mißwirtschaft*)» провинциалов. Скандальное осуждение Рутилия привело к пробе сил между сословиями сенаторов и всадников, которой стала борьба вокруг законопроектов Друза¹⁰.

Процесс Рутилия Руфа рассматривался и с точки зрения борьбы сенатских группировок. Многие исследователи обратили внимание на сообщение Диона Кассия (fr. 97. 3) о причастности Мария к осуждению Рутилия (*καὶ τὴν ὁ Μάριος αἰτίαν τῆς ἀλώσεως αὐτοῦ ἔσχεν*) и сделали на этом основании вывод о том, что именно он был главным организатором судебного преследования Рутилия¹¹ – своего старого врага, тем более что арпинат имел материальные интересы в Азии¹². Бэдиан, указывавший на тесные связи обвиняемого с Метеллами (он был, как известно, другом Метелла Нумидийского), охарактеризовал его осуждение как удар в сердце *factio Metellana*. При этом, однако, Марий благоразумно пощадил Сцеволу, который недавно стал его родственником. Как предполагает Бэдиан, Рутилий Руф был мужем тетки Ливия Друза, а советником трибуна 91 г. являлся Эмилий Скавр, которого враги Рутилия также подвергли в те годы судебному преследованию. Именно он, по всей видимости, стал организатором его и Сцеволы миссии в Азию с целью облегчить ее положение и тем добиться большей лояльности провинциалов перед лицом угрозы со стороны Митридата Понтийского (ту же цель, по мнению Бэдиана, имела и поездка самого Скавра в Азию в 90-х годах). Все это, полагает исследователь, помогает понять связь между процессом Рутилия (а также Скавра) и проектом *lex iudiciaria*, тем более что сам консул 105 г. в свое время, похоже, также выступал за передачу судов в ведение сената¹³.

Э. Грюэн, изложив историю миссии Сцеволы и Рутилия, высказывает мнение, что они «руководствовались самыми высокими побуждениями (*motives of highest character*), желая заново придать блеск потускневшей репутации сенатской замор-

⁹ Long 1866, 144; Münzer 1914, 1274; Last 1932, 177; Hendrickson 1933, 155; Balsdon 1937, 10; Broughton 1952, II, 8; Badian 1956, 104; Carney 1961, 49–50; Van Ooteghem 1964, 14, 266.

¹⁰ Meier 1966, 75–77. О позиции Скавра см. ниже.

¹¹ Егоров 1989, 127; Badian 1957, 343; 1972, 91; Nicolet 1966, 546–549; Luce 1970, 166, nt. 26. К. Николе пишет, что Марий «преследовал [своего] политического противника. Процесс Рутилия, как и Норбана, являлся процессом политическим. И это, без сомнения, была скорее *conspiratio Mariana*, нежели *publicanorum*». Однако даже если бы речь шла только о *conspiratio publicanorum*, процесс политическим быть не перестал хотя бы в силу статуса подсудимого.

¹² Badian 1956, 111; 1957, 328–329; Nicolet 1966, 549; Gruen 1966, 54.

¹³ Badian 1956, 113–116, 119–120; 1957, 325; 328–329.

ской администрации и проявить искреннюю заботу о благе провинциалов. Судебное преследование было неизбежным и ожидаемым» из-за непримиримой вражды наместника и его легата с представителями римских *business classes*. Осуждение Рутилия привело к разрыву между сословиями сенаторов и всадников, а если брать отношения внутри правящего круга, то к разрыву отношений Мария с некоторыми нобилями, которые совсем недавно еще поддерживали его. Арпинат, враждовавший с Рутилием, несмотря на родство со Сцеволой приложил руку к осуждению его легата, хотя нельзя сказать, что он «дергал за все веревочки». Грюэн возражает против тезиса Бэдиана о том, что Марий не стал трогать Сцеволу¹⁴, ибо атака на Рутилия была и атакой на Сцеволу, чьи реформы в Азии ставились под удар – недаром последнему самому пришлось выступать во время процесса над Рутилием. Почему его не решились привлечь к суду – не вполне ясно¹⁵. Конечно, *homo novus* Рутилий был куда более удобной мишенью, чем представитель старинного и уважаемого рода Муций Сцевола¹⁶, однако это не помешало в других случаях выдвигать обвинения против Метелла Нумидийского и Скавра; возможно, всадники сочли, что осуждение Сцеволы¹⁷ – это уже слишком, приговора его легату им вполне хватало для достижения своих целей. Если же говорить о деле Рутилия в контексте политических процессов 90-х годов, то он прервал серию оправдательных приговоров, выносившихся до того момента всадническими судами, в ходе которых Метеллы пытались взять верх над своими соперниками, и первый же обвинительный приговор вызвал их недовольство (это и понятно – его вынесли их стороннику), результатом чего стала попытка реформ Друза¹⁸.

А.Б. Егоров отмечает, что одни исследователи считают осуждение Рутилия Руфа результатом конфликта сената и всадников, а другие – усилий марианцев и, возможно, лично Мария, давнего врага Рутилия, но сам прямо своей позиции по данному вопросу не формулирует, ограничившись лишь констатацией «произвола всаднического суда». Егоров принимает точку зрения, согласно которой миссия Сцеволы и Рутилия («кампания против публиканов») была обусловлена угрозой для восточных владений Рима со стороны Митридата. Рутилия ученый относит к числу представителей группировки не Метеллов, как это принято считать (см. выше), а Сцевол – Крассов – Цезарей, и осуждение Рутилия стало, таким образом, ее поражением¹⁹.

Весьма смелая гипотеза была высказана по поводу характера обвинения, предъявленного Рутилию. По мнению некоторых ученых²⁰, ему инкриминировали полу-

¹⁴ См. также: Carney 1961, 50; Luce 1970, 172.

¹⁵ Позднее Бэдиан (1972, 91) высказал предположение, что от суда Сцеволу спас помимо прочего пиетет перед его саном великого понтифика.

¹⁶ Впрочем, публичное поношение Сцеволы откупщиками было столь сильным (возможно, во время суда: Münzer 1933, 439), что Цицерон напоминал о нем аудитории четыре десятилетия спустя (Planc. 33; см. также: Fam. I. 9. 26).

¹⁷ То, что Сцеволу не привлекли к суду, Майер связывает только с позицией всадников, роль же Мария ему неясна (Meier 1966, 77 и Anm. 89).

¹⁸ Gruen 1966, 53–55, 64; 1968, 204–205.

¹⁹ Егоров 2003, 200 и прим. 7.

²⁰ Balsdon 1937, 10 (со ссылкой на Э. Пайса); Badian 1956, 110–111, nt. 5 (со ссылкой на Г. Блока). Б.П. Селецкий пишет просто о добрых отношениях Рутилия с Митридатом (1978, 206), однако его аргументы носят сугубо косвенный характер: Селецкий ссылается на то, что Рутилий уцелел во время устроенной Митридатом резни в Азии, лишь сменив римское платье на греческое (*Cic. Rab. Post. 27; Dio Cass. Fr. 97. 4*), и что царь Понта не

чение взятки от Митридата Понтийского. Доказательства, способные подтвердить подобные обвинения, Марий будто бы собирал во время своего пребывания на Востоке. Однако эта версия не встретила поддержки у исследователей, поскольку в источниках прямо сказано, что речь шла о процессе *de repetundis* (Liv. Per. 70; Vell. II. 13. 2; Dio Cass. Fr. 97. 1)²¹.

В 1990 г. Р. Кэллет-Маркс предпринял попытку пересмотра многих связанных с процессом Рутилия положений, которые прежде считались общепринятыми²². Он отметил, что образ Рутилия, донесенный до нас античными авторами, «слишком хорош, чтобы быть правдой» – он основан на его собственных мемуарах и благо-склонной к нему сенатской традицией²³. Кэллет-Маркс отверг традиционную дату процесса – 92 г., высказавшись за 94 г. К этому времени умер Метелл Нумидийский, патрон Рутилия, что ослабило его позиции. Серьезным сомнениям исследователь подверг взгляд на процесс через призму борьбы сторонников Метеллов и Мария: «По-видимому, в основе политического процесса (*underlying political current*) середины и конца 90-х годов лежали не непрерывные стычки между *Metelli* и *Mariani*, а распад и дробление старого кружка, группировавшегося вокруг [Метелла] Нумидийского, и образование сложного комплекса новых союзов»²⁴. Отказ Рутилия от услуг Красса и Антония (*Cic. Brut.* 115), которые, по мнению Кэллет-Маркса, уже не были *Mariani* в те годы, обуславливался не подражанием Сократу, а тем, что Рутилий не мог забыть их прежнего союза с ненавистным ему арпинатом²⁵. Осуждение Рутилия, по мнению ученого, особого ущерба сенатской верхушке не нанесло – она пожертвовала им ради умиротворения всадников, которые в результате до принятия *lex Varia* выносили только оправдательные приговоры. Большого резонанса тогда это событие не получило и причиной судебной реформы Друза не стало. «Ирония судьбы состоит в том, что изгнание не только спасло Рутилия от марианской резни в 87 г., но также дало познать сладость мести²⁶ и обеспечило ему посмертную славу»²⁷.

Как видим, точек зрения множество, причем по самым разным аспектам проблемы, и остается, казалось бы, лишь присоединиться к одной из них. Но, во-первых, даже в таких случаях возможны усиление или корректировка аргументации в пользу того или иного мнения, а во-вторых, как я надеюсь показать, возможности и для новых решений еще не исчерпаны.

запретил в Азии игры в честь Сцеволы (*Cic. Verr.* II. 2. 51). Однако эти факты допускают и иное толкование: царь не отменил игр в честь Сцеволы просто из нежелания раздражать жителей Азии; Рутилий сменил одежду, по-видимому, еще до резни – он, как известно, принял гражданство Смирны (*Cic. Pro Valbo.* 28) и, вполне возможно, сделал то же и в Митилене, а на жизнь его у местных жителей нужды посягать не было, благо за неучастие в антиримском терроре Митридат не наказывал (Гуленков 2002, 109).

²¹ Как предполагают, по закону Сервилия Главции (*lex Servilia de repetundis*) (Long 1866, 145; Neumann 1881, 448; Nicolet 1966, 540, 543; Alexander 1990, 49, № 94), на основании которого обвинял примерно в те же годы Марка Скавра Цепион младший (*Ascon.* 19 C).

²² Kallet-Marx 1990, 122–139.

²³ См. Münzer 1914, 1280; Hendrickson 1933, 174; Badian 1958, 218; Fantham 2004, 43.

²⁴ Kallet-Marx 1990, 129.

²⁵ Сходным образом рассуждал еще Ж. Ван Отегем (1964, 266), правда, считая, что оба по-прежнему сохраняли связи с марианцами, тем более что дочь Красса была замужем за сыном Мария.

²⁶ В виде написания весьма пристрастных мемуаров.

²⁷ Kallet-Marx 1990, 139.

Начнем с вопроса о хронологии. В историографии было много споров о том, к какому году относить наместничество Сцеволы и легатство Рутилия, от чего, как представляется, зависит и датировка суда над последним. Высказывались мнения в пользу 98/97 (во время претуры Сцеволы²⁸ и проконсулата после нее)²⁹, 97 – только после претуры³⁰, 94 г. – после консулата³¹; некоторые ученые оставляют вопрос открытым³².

С целью обосновать более раннюю датировку наместничества Сцеволы привлекался текст Аскония: *L. autem Crasso collega fuit Q. Scaevola pontifex qui, cum animadverteret Crasso propter summam eius in re publica potentiam ac dignitatem senatum in decernendo triumpho gratificari, non dubitavit rei publicae magis quam collegae habere rationem ac ne fieret S.C. intercessit. Idem provinciam, cuius cupiditate plerique etiam boni viri deliquerant, deposuerat ne sumptui esset † oratio* (Pis. 13 C).

Перевод первой фразы вполне ясен: «Коллегой Л. Красса был Кв. Сцевола Понтифик, который, когда сенат ввиду огромного влияния и авторитета Красса из любезности предоставил ему триумф, не остановился перед тем, чтобы, исходя из заботы о благе государства, а не своего коллеги, наложить запрет на решение сената». Иначе обстоит дело со второй, ибо слова *provinciam... deposuerat* допускают различное толкование: 1) отказ от наместничества в назначенной ему Азии³³, 2) прекращение исполнения обязанностей ее наместника и отъезд из нее раньше установленного законом времени³⁴. Последние четыре слова, которые могли пояснить смысл выражения *provinciam deponere*, сохранились плохо, а потому вряд ли их можно учитывать при обсуждении вопроса³⁵.

²⁸ По мнению некоторых ученых, претура Сцеволы могла иметь место и в 99, и в 98 г. (Ihne 1879, 239, Anm. 4; Broughton 1952, II, 4–6, nt. 2; Brennan 2000, 549); допускаются также 100 (Sumner 1978, 147) и даже 101 г. (Brennan 2000, 549).

²⁹ Last 1932, 175–176; Kallet-Marx 1989, 305–312. Моммзен пишет о Сцеволе в Азии только как о преторе (1994, 156), хотя в источниках говорится о его проконсульстве (OGIS 437, 439; *Liv. Per.* 70). Правда, у Псевдо-Аскония (202 St.) о Сцеволе-наместнике говорится как о преторе, но в том же месте Рутилий ошибочно назван квестором (см. выше), что заставляет сомневаться в надежности всего пассажа (Long 1866, 144, nt. 1).

³⁰ Waddington 1872, 37; Broughton 1952, II, 7–8; Nicolet 1966, 545–546 (допускает также 96 г.); Marshall 1976, 117–131; Sumner 1978, 148–149, 153 (допускает и 99 г.). Ван Отегем в одном месте относит проконсульство к 94 г., в другом – к 97 г. (Van Ooteghem 1964, 14, 266). Уоддингтон (1872, 36) считает, что претором Сцевола был в 99 г., из-за чего образуется годичный интервал между его претуры и наместничеством в 97 г., который автор никак не объясняет. Некоторые ученые допускают, что Сцевола мог отбыть в Азию и во время претуры, и после нее (Balsdon 1937, 9; Marshall 1976, 117, nt. 2). Э. Херцог датирует наместничество Сцеволы и легатство Рутилия 99 г. (Herzog 1884, 489).

³¹ Long 1866, 144; Neumann 1881, 445; Münzer 1914, 1274; 1933, 438; Hendrickson 1933, 155; Schur 1942, 104; Badian 1956, 104–112; Carney 1961, 49; Luce 1970, 170; Brennan 2000, 550–552; Mackay 2009, 119.

³² Ihne 1879, 239, Anm. 4; Sherk 1969, 258–259, № 47; Bernhardt 1985, 290.

³³ Правда, Асконий не пишет, какая провинция имеется в виду, и Дж. Балсдон не вполне уверен, что речь идет именно об Азии (Balsdon 1937, 8–9). Однако в данном контексте ее упоминание было бы наиболее уместно, коль скоро речь идет о снискавшем особую известность своим азиатским наместничеством Сцеволе (Badian 1956, 107), да и описание провинции как *cuius cupiditate plerique etiam boni viri deliquerant* больше всего подходит именно к Азии (более осторожно – Marshall 1976, 129–130). Наконец, если речь идет не о ней, то спор вообще становится беспредметным.

³⁴ Kallet-Marx 1989, 306 и nt. 1 с обзором мнений.

³⁵ Kallet-Marx 1989, 306. Буквальный перевод, «чтобы не войти в расход», плохо согласуется с положительным образом Сцеволы у Аскония.

Плюсquamперфект глагола *deposuerat* предполагает время, предшествующее по отношению к названному ранее выступлению против триумфа Красса, имевшему место в год консулата Сцеволы и самого Красса, т.е. в 95 г. Таким образом, если имеется в виду досрочно прерванное наместничество, то оно придется на претуру Сцеволы, предшествовавшую консулату 95 г. (поскольку до истечения консулата его наместником не послали бы – такое практиковалось только во время войны), иными словами, на 98/97 г.

Если же речь идет об отказе Сцеволы от предназначавшейся ему Азии, то получится, что в какой-то более поздний момент ему снова выпало управлять ею и на сей раз Квинт Муций возражать не стал. При этом первое, отклоненное назначение должно было иметь место во время либо претуры, либо консулата Сцеволы. Второе, принятое назначение должно было состояться в связи с консульством, и само наместничество приходится тогда на следующий после консулата, т.е. 94 год³⁶.

Более правдоподобным представляется понимание *deposuerat* именно как отказа от провинции, поскольку тогда риторическое противопоставление заботящегося о *res publica* Сцеволы тем *virī boni*, которые в отношении провинции *cupiditate deliquerant* (весьма интересная характеристика *virī boni*!), оказывается ярче – отказ от наместничества производил куда большее впечатление, чем преждевременный отъезд³⁷.

В случае принятия первой датировки (98 или 97 г.) требует объяснения интервал от четырех до шести лет между деятельностью Рутилия Руфа в Азии и процессом, а также то, что консуляр оказался в необычной роли легата у претора или претория³⁸. Высказывалось предположение, что Рутилий стал в 92 г. жертвой конкретной политической ситуации, когда не за горами была *quaestio Variana*, и его осуждение подготавливало почву для ее деятельности³⁹. Однако между первым и вторым началась Союзническая война, которая слишком изменила ситуацию, чтобы ставить в один ряд процессы Рутилия и обвиняемых по *lex Varia*.

Р. Кэллет-Маркс считает, что упомянутый интервал не является чем-то особенным – процесс Норбана, например, состоялся в 95 г., через много лет после событий 103 г., давших повод для его обвинения. То, что консуляр оказался легатом при претории, также не должно удивлять: Диодор сообщает, что наместник Сицилии

³⁶ Г. Самнер считает, что Сцевола управлял Азией в 99 и/или 98 г., а в 94 г. – Л. Валерий Флакк. Однако при этом он признает, что датировка проконсульства Сцеволы *probable but not provable*, а Флакк мог быть наместником Азии и в 95 г. (Sumner 1978, 147–148, 150, 153).

³⁷ Иногда считается, что Сцевола помешал Крассу получить право на триумф уже после консулата, ибо тот был наместником Галлии (Цизальпинской – *Cic. De inv. II. 111*) *ex consulari*, где и добился некоторых военных успехов (*Val. Max. III. 7. 6*; Neumann 1881, 446; Badian 1956, 106–107). Однако, согласно Цицерону (*loc. cit.*), Красс воевал в тех краях, будучи консулом, что более вероятно. Скорее всего Валерий Максим писал, исходя из обычной практики, когда консулы отправлялись в провинции по истечении срока должности уже в качестве проконсулов, однако применительно к операциям в обеих Галлиях ситуация была иной. И уж тем более маловероятно, чтобы Сцевола *S.C. intercessit*, будучи *homo privatus*, но зато вполне мог сделать это как консул (Marshall 1976, 125–126).

³⁸ Münzer 1914, 1274; Badian 1956, 105, 110; Gruen 1966, 53, nt. 122; Mackay 2009, 119, nt. 1.

³⁹ Balsdon 1937, 10 (со ссылкой на Э. Пайса). Уоддингтон просто констатирует значительный временной разрыв между возвращением Рутилия из Азии и процессом над ним (*longtemps après son retour à Rome*), никак не пытаясь его объяснить (Waddington 1872, 33).

Луций Азеллион, подобно Сцеволе, выбрал себе легатом одного из своих лучших друзей, Гая (Семпрония?) Лонга, человека весьма достойного (ζηλωτῆς τῆς ἀρχαίας καὶ σόφρονος ἀγωγῆς). Это было своего рода новшество, когда выбирали в советники наилучшего, не обращая внимания на их статус⁴⁰. Кэллет-Маркс предполагает, что Сцевола возвратился ранним летом 97 г., чтобы успеть подготовиться к консульским выборам на 95 г., по максимуму используя gloria iustitiae et abstinentiae (Cic. Att. V. 17. 5), приобретенную им благодаря наместничеству в Азии, тем более что его поведение там побуждало к выгодному для него сравнению с явно нечистым на руку Манием Аквилием⁴¹, процесс над которым недавно состоялся⁴².

Построения Кэллет-Маркса представляются по большей части спорными. Конечно, можно допустить, что Сцевола, несмотря на неравенство статусов, решился обратиться к Рутилию с просьбой стать его легатом, а тот согласился, однако пример с Азеллионом не очень убедителен и больше напоминает риторическую конструкцию. Выходит, что прежде никто из наместников не брал достойных людей себе в советники, во что трудно поверить. И к тому же разница в статусах слишком велика, чтобы не обращать на нее внимания – сделать советником кого-либо невлиятельного много проще, чем того, кто выше тебя. Сомнительно также, что Сцевола, если только он не был наивным человеком, рассчитывал заработать на наместничестве политический капитал, который помог бы ему добиться высшей магистратуры – насколько известно, справедливое отношение к провинциалам не упоминается в источниках среди причин, которые побудили бы голосовать за кандидата в консулы. К тому же своими iustitia et abstinentia Сцевола задел весьма влиятельных лиц (см. ниже), а потому весьма сомнительно, что он вообще добился бы консулата, если бы его наместничество имело место после претуры. Пример с процессом Норбана трудно признать удачным: в 102 г. Цепион был избран квестором, отправился в Киликию с Антонием и вернулся в Рим, надо думать, не раньше него, т.е. самое раннее в декабре 100 г., а в 99 г. Антоний стал консулом⁴³, что оставляло мало шансов на успех обвинения Норбана.

Вопрос о датировке наместничества связан с оценкой политической ситуации в самом Риме. Учитывая то возмущение, которое вызвала деятельность Сцеволы и Рутилия в определенных кругах (о них см. ниже), а также отсутствие даже намеков на интервал в несколько лет между возвращением последнего и процессом над ним, есть все основания считать, что этот интервал был достаточно небольшим, а потому при ранней датировке проконсульства Сцеволы в Азии суд над его легатом состоялся бы не позднее 96 г. Всего двумя годами раньше сторонники Метелла Нумидийского добились его триумфального возвращения в Рим, теперь же никто и не подумал заступаться за одного из его преданных друзей. Между тем кто-то из четырех Метеллов (Нумидийский, Диадемат, Непот и Капрарий) наверняка еще был жив, не говоря уже об их соратниках. (При этом, заметим, Непот стал консулом в том же 98 г.⁴⁴) Таким образом, налицо невероятно быстрый распад factio

⁴⁰ Diod. XXXVII. 8. 1; Kallet-Marx 1989, 311.

⁴¹ Cic. Flac. 98: multis avaritiae criminibus testimoniisque convictum.

⁴² Kallet-Marx 1989, 312. Вероятнее всего, процесс состоялся в 98 г., поскольку в 97 г. Антоний, исполнявший обязанности цензора, вряд ли имел бы время для защиты Аквилия (Короленков 2011, 14).

⁴³ См. Broughton 1951, I, 569, 576; 1952, II, 1.

⁴⁴ После этого в успехах Метеллов, продолжавшихся четверть века, наступил перерыв: следующий из них, Метелл Пий, стал даже претором лишь через 8 лет, а консулом – через 18 (Короленков 2013, 116; Broughton 1952, II, 33; Brunt 1988, 445, nt. 3).

Metellana⁴⁵. Конечно, можно его объяснить исчезновением общих целей после возвращения Метелла Нумидийского⁴⁶. Однако такое равнодушное отношение к одному из виднейших клиентов семейства все же понять трудно, особенно на фоне активности Мария: никого из своих людей, попавших под суд, он в те годы, насколько известно, в обиду не дал⁴⁷.

Все эти вопросы снимаются, если отказаться от датировки миссии Сцеволы и Рутилия и суда над последним 98–96 гг., для чего, как я постарался показать, оснований вполне достаточно. Хронология событий, думается, выглядит следующим образом. В 94 г. Сцевола выехал в провинцию⁴⁸, пробыл там девять месяцев (Cic. Att. V. 17. 5), в конце 94, в крайнем случае в первой половине 93 г. вернулся оттуда, а примерно в середине того же года в Италию прибыл и Рутилий Руф⁴⁹ – вряд ли новый наместник стал бы задерживаться до осени 93 г. Суд над легатом состоялся, таким образом, или в конце 93 г.⁵⁰, или в начале 92 г. К этому времени *factio Metellana* могла действительно серьезно ослабеть или даже прекратить существование по причине ухода из жизни части ее представителей, длительного отсутствия объединяющих целей и заметных успехов. Правда, уже вполне взрослым человеком (и наверняка сенатором) был Метелл Пий, чье невмешательство, если только он не отсутствовал в Риме, свидетельствует о равнодушии последнего к друзьям отца и, вероятно, о слабости *factio Metellana*, представители которой могли бы настоять на его участии в судьбе Рутилия. Таким образом, ударом по ней его осуждение считать не приходится – оно лишь зафиксировало упадок ее влияния, если не исчезновение.

Что же касается теории Егорова о группировке Сцевола – Крассов, то она не выдерживает критики, тем более что он предполагает ее существование от реформ Гракхов до гражданской войны 80-х годов – столь длительных союзов римская история не знала, да и связи между ее членами определяются весьма произвольно. Если говорить об интересующем нас периоде, то даже союз между Л. Крассом и Кв. Сцеволой не столь очевиден, как может показаться, если брать в расчет только *lex Licinia Mucia de civibus redigundis*⁵¹: упомянутый эпизод с триумфом Красса, справить который воспрепятствовал ему Сцевола, остался Егорову неизвестным, а он заставляет кое о чем задуматься⁵².

⁴⁵ Оспаривать существование *factiones* вообще и *factio Metellana* в частности (Meier 1966, 182–190; Brunt 1988, 445–446), думается, оснований недостаточно (см. Короленков 2013, 113, прим. 6).

⁴⁶ Кэллет-Маркс (1990, 131) сомневается, что можно говорить о *factio Metellana* после 98 г. Относя деятельность Муция и Рутилия в Азии к 98–97 г., он тем не менее не датирует процесс последнего 96 г., хотя это не только не противоречит его выкладкам, но и позволяет снять вопрос о трехлетнем интервале.

⁴⁷ Carney 1961, 49; Luce 1970, 166, nt. 26.

⁴⁸ Бэдиан (1956, 104) допускает, что Сцевола выехал еще до окончания срока консулата, однако такое делалось обычно лишь в случае войны, каковой в Азии тогда не было.

⁴⁹ По мнению Бэдиана (1972, 91), Рутилий провел в Азии еще три месяца – очевидно, те, что оставались до конца года после девяти месяцев пребывания в Азии Сцеволы. Однако Рутилий, вероятнее всего, оставался в провинции до приезда нового наместника (Waddington 1872, 33; Balsdon 1937, 9), который мог прибыть не сразу.

⁵⁰ Датировка суда 93 г. предлагалась в XIX в. (Waddington 1872, 33; Herzog 1884, 489).

⁵¹ Несмотря на этот закон, Егоров безо всяких пояснений объявляет «главным делом» группировки Сцевола – Крассов «предоставление гражданских прав италикам» (2003, 202).

⁵² К. Нойман (1881, 446), рассказав об этом эпизоде, все же называет Сцеволу и Красса друзьями, никак не объясняя очевидного противоречия.

Теперь обратимся к главному вопросу: чьи интересы выражал суд, когда он выносил Рутилию свой суровый и несправедливый приговор? Ответ, данный античной традицией, которая возложила ответственность на публиканов, был уже давно оспорен (см. выше), хотя, как мы видели, даже Майер, весьма скептически оценивающий самостоятельную роль всадников в политике, все же готов признать, что здесь они настояли на своем, пусть это и был особый случай⁵³. Между тем, как отмечал Бэдиан, «несмотря на свое господство в судах, всадники были бессильны без поддержки влиятельных сенатских кругов»⁵⁴. Сам он, как и многие другие ученые, считал достаточным вмешательство Мария, давнего врага Рутилия. Прежде чем рассмотреть вопрос о том, насколько обоснованна такая позиция, позволю себе несколько замечаний по поводу *inimicitia* обоих консуляров, чтобы сделать картину их отношений более многомерной. Марий и Рутилий были старыми боевыми товарищами, ибо вместе служили еще под Нуманцией, а затем в Африке, во время Югуртинской войны⁵⁵. Стали ли они врагами уже в ходе последней, как утверждает Егоров, ссылаясь на то, что Метелл поручил именно Рутилию передать армию Марию, поскольку сам с ним встречаться не желал (*Sall. Jug. 86. 5*)?⁵⁶ Сам этот эпизод ничего не доказывает, хотя, конечно, вполне возможно, что Рутилий разделял неприязнь своего патрона к арпинату⁵⁷, но это не более чем догадка – применительно к 100-м годам никаких указаний в источниках на сей счет нет. Большой интерес представляют в данном контексте цитируемые Плутархом (*Mar. 28. 8*) слова Рутилия (*HRR. I². 188*), аттестованного врагом Мария (*ἰδίᾳ δὲ τῷ Μαρτίῳ προσεκροικώς*)⁵⁸, о том, будто тот, «раздав по трибам деньги, купил себе шестое консульство» (*τῆς ἕκτης ἔτυχεν ὑπατείας ἀργύριον εἰς τὰς φυλάς καταβαλὼν πολὺ*)⁵⁹. Однако этот пассаж свидетельствует лишь о том, что Рутилий на момент написания им мемуаров или «Истории» неприязненно относился к Марию⁶⁰. Другое дело, что он вряд ли мог простить тому изгнание Метелла Нумидийского – даже несмотря на отсутствие прямых указаний на сей счет в источниках это можно предполагать с достаточной уверенностью.

⁵³ Также и П.А. Брант, хотя признает зависимость всадников от нобилитета, считает именно пострадавшие интересы публиканов причиной осуждения Рутилия (Brunt 1988, 150–152).

⁵⁴ Badian 1972, 91.

⁵⁵ Van Ooteghem 1964, 70, 108, 266 (в контексте процесса Рутилия).

⁵⁶ Егоров 2003, 200, прим. 7. При этом дается ошибочная ссылка на *Sall. Jug. 6* (видимо, опечатка).

⁵⁷ Ван Отегем (1964, 267) именно в этих словах видит доказательство давней вражды между Марием и Рутилием.

⁵⁸ Бэдиан (1957, 324) считает, что вражда между Марием и Рутилием началась после ссоры между Марием и Метеллом, ибо тот сделал Рутилия своей правой рукой.

⁵⁹ Егоров (2003, 200, прим. 7), имея в виду этот пассаж, ссылается на *Plut. Mar. 2*.

⁶⁰ Замечание Плутарха (*loc. cit.*) о том, что Марий, «купив» шестое консульство, тем самым «лишил власти Метелла» (*Μέτελλον ἐκκροῦσαι τῆς ἀρχῆς*), породило догадку о том, что Метелл выдвинул свою кандидатуру в ходе консульских выборов на 100 г. (Schur 1942, 87; Carney 1961, 40–41, nt. 193; Meier 1966, 138, Anm. 460), в которых Рутилий, несомненно, принял бы участие на стороне патрона, что и может объяснить его особое возмущение успехом Мария. Однако это, повторим, только догадка. Егоров (2003, 200, прим. 7) в доказательство вражды между Марием и Рутилием в связи с выборами 100 г. ссылается также на Цицерона (*Rab. Perd. 21*). Однако в указанном месте оратор говорит лишь о том, что Рутилий участвовал в борьбе с Сатурнином.

Однако хватило ли бы влияния Мария, чтобы судьи, еще недавно оправдывавшие любого сенатора⁶¹, вынесли столь суровый приговор заслуженному консуляру? Ведь Бэдиан сам пишет о «влиятельных сенатских кругах», но Марий был лишь одним из их представителей, и совершенно не очевидно, что те principes, которые поддерживали с ним хорошие отношения, помогли бы ему в столь щекотливом деле. Он и сам, мягко говоря, не афишировал свое участие в нем. О его роли в осуждении Рутилия сообщает лишь один автор, да и то достаточно поздний – Дион Кассий. Словоохотливый Цицерон, немало места уделивший процессу Рутилия (De or. I. 227–233), ни разу не упоминает в связи с ним о Марии⁶², хотя не забывает сказать о том, как арпинат лишь молча плакал на процессе Аквилія (De or. II. 196). В трактате «О природе богов» Цицерон в пределах одного пассажа упоминает об осуждении Рутилия и о жестокостях Мария, но опять ничего не говорит о его роли в рассматриваемом процессе (III. 80). По-видимому, арпинат сумел неплохо замаскировать свое участие в подготовке суда над Рутилием, и если бы не фрагмент Диона Кассия, мы бы и вовсе не знали о нем.

Не умолчали ли источники о других влиятельных лицах, причастных к скандальному исходу процесса? Думается, да. Имя одного из них напрашивается само собой, хотя и не привлекало в данном контексте внимания ученых. Это консул 101 г. Маний Аквилій, старый соратник Мария, сын основателя провинции Азия, который имел там обширные связи, накануне Первой Митридатовой войны приехал в те края в составе посольства, весьма поспособствовавшего ее разжиганию, и среди прочего занимался там ростовщическими операциями, ссужая деньгами царя Вифинии Никомеда IV⁶³. Вряд ли можно сомневаться в том, что он получал доходы от деятельности публиканов, а потому не питал добрых чувств к Рутилию и, вполне вероятно, принял участие в подготовке процесса над ним, благо имел немалый опыт по этой части, побывав в свое время под судом по обвинению в вымогательствах (см. выше).

Другим консуляром, причастным к осуждению Рутилия, был, по всей видимости, Марк Эмилий Скавр⁶⁴, многолетний princeps senatus, один из самых влиятельных политиков своего времени⁶⁵. Хотя, как уже отмечалось выше, Бэдиан считал его одним из вдохновителей миссии Сцеволы и Рутилия, факты позволяют сделать иные выводы. У Тацита правнук принцепса сената Мамерк Скавр прямо говорит о том, что его прадед выступал обвинителем консула 105 г. (Ann. III. 66. 1), причем, как убедительно показывает Бэдиан, оратор подразумевал процесс именно 90-х годов, а не 116 г., когда Скавр обвинял Рутилия в подкупе избирателей⁶⁶. Однако саму возможность того, о чем говорил Мамерк, ученый решительно отрицает, считая это suggestio falsi с его стороны, так как остальными источниками столь

⁶¹ Badian, 1972, 90. Грюэн (1968, 204) объясняет это презрением всадников к схваткам сенаторов в судах, однако куда вероятнее, что они просто перестраховывались, чтобы не навлечь на себя гнев влиятельных сенаторов.

⁶² Van Ooteghem 1964, 266; Kallet-Marx 1990, 135.

⁶³ App. Mithr. 11; Габелко 2005, 381 и прим. 291, 383, 385.

⁶⁴ Bates 1986, 273; Fantham 2004, 44.

⁶⁵ А также, как считает Бэдиан (1957, 320), «фактическим главой дома Метеллов» (!), с которым имел столь тесные связи Рутилий. Однако данных для такого вывода недостаточно, да и вообще Скавр был политиком слишком крупного масштаба, чтобы быть представителем какой-то одной factio (Shatzman 1974, 207–214).

⁶⁶ Рутилий выдвинул против Скавра аналогичное обвинение, но оба были оправданы (Cic. De or. II. 280; Brut. 113; Alexander 1990, 18, № 34–35).

важный факт не упоминается, а у Афиня (IV. 168d) прямо названо имя обвинителя – это некто Апиций, известный своим мотовством, да и в 90-х годах Скавр был в дружбе с Метеллами – покровителями Рутилия⁶⁷. Аргументация достаточно уязвима: у Афиня об Апиции сказано лишь как о виновнике изгнания Рутилия (τῆς φυγῆς αἴτιος γένόμενος Ῥουτίλιῳ), но это может означать выступление в роли не *accusator*⁶⁸, а свидетеля, чьи показания сыграли на суде решающую роль; на момент суда над Рутилием, как уже говорилось, Метеллы уже не представляли собой прежней силы, а потому Скавр мог с ними и не посчитаться; отсутствие подтверждений в других источниках – куда более серьезный довод, но и он требует оговорки: ведь и о причастности Мария к суду над Рутилием пишет только Дион Кассий, даже Цицерон, как мы видели, молчит о нем, не называет он и имени обвинителя Рутилия. Кэллет-Маркс, не без оснований считая молчание других авторов единственным сильным аргументом Бэдиана, разрешает вопрос так: «Отсутствие указаний на то, что Скавр выступал в качестве обвинителя, в нашем наиболее содержательном источнике, [сочинениях] Цицерона, может обуславливаться лишь уважением [оратора] к памяти выдающегося человека. Однако очевидно, что исходить из этого мы не можем. Для наших целей достаточно отметить, что в некрепкой, по-видимому, памяти Мамерка сохранилось воспоминание о противостоянии Скавра и Рутилия в суде»⁶⁸. Т.е., по-видимому, достаточно рядовой процесс 116 г. Мамерк, выступая в сенате, «подставил» на место куда более известного процесса 90-х годов, где его прадед не выступал.

Но вот что обращает на себя внимание: в устах оратора, перечисляющего знаменитые *accusationes*, Скавр оказывается в одном ряду с такими уважаемыми людьми, как Катон Цензорий и Сципион Эмилиан, а «напарниками» Рутилия, которых они обвиняли, выступают оставившие по себе дурную память Сервий Гальба и Луций Котта. Совершенно очевидно, что такое «соседство» свидетельствует об отрицательном отношении Мамерка Скавра к Рутилию, которого он, надо полагать, считал виновным⁶⁹. Скорее всего, правнук Марка Эмилия выражал не личное мнение, а воспроизводил семейную традицию. Можно объяснить это тем, что Марк Скавр после процесса 116 г. до конца сохранял неприязнь к Рутилию⁷⁰, но можно и тем, что в *suggestio falsi* содержался намек на причастность принцепса сената к осуждению консула 105 г. Считать так есть достаточно серьезные основания.

Похоже, именно в 90-х годах Скавр был партнером Мария в деловых операциях на территории некоей провинции⁷¹, под которой, весьма вероятно, имеется в

⁶⁷ Badian 1958, 217–219. См. также: Alexander 1990, 49, № 94, nt. 2.

⁶⁸ Kallet-Marx 1990, 134–135. В своей недавней статье я неточно передал позицию Кэллет-Маркса по этому вопросу (Короленков 2013, 117, прим. 38).

⁶⁹ Так же думает и Тацит, когда противопоставляет действия Катона, Сципиона и Скавра (т.е., очевидно, заслуживающие похвалы) поведению порочных сенаторов времен Тиберия (Ann. III. 66. 2).

⁷⁰ Впрочем, Рутилий пострадал куда больше: в отличие от Скавра, добившегося консулата на 115 г., ему удалось стать консулом лишь через десять лет (Badian 1956, 105; Gruen 1968, 122; Kallet-Marx 1990, 134), поэтому совершенно не очевидно, что в 90-х годах все было «давно забыто», как иногда считается (Badian 1958, 219; Bates 1986, 273).

⁷¹ *Plin. NH. XXXVI. 116: unde M. Scaurus pater, totiens princeps civitatis et Mariani sodalicii rapinarum provincialium sinus*; Frank 1955, 150; Shatzman 1974, 202. Обзор других датировок см. Carney 1958, 236–237. В связи с этим тезис Т. Люса (1970, 162–163, 169) о неизменной враждебности Скавра Марию представляется сомнительным.

виду Азия⁷² – упоминание *sodalicii rapinarum* слишком хорошо подходит к этой провинции, объекту внимания деловых людей из Рима и Италии, тем более что и Марий, и Скавр проявляли интерес к ней – достаточно вспомнить их поездки в те края⁷³. Если принцепс сената также получал доходы от финансовых операций в Азии, да еще вместе с Марием и его людьми⁷⁴, то многое становится понятно. Лично обвинителем Скавр, скорее всего не выступал, но оказать влияние на судей, конечно, мог.

Был и еще один консуляр, не замеченный, правда, в связях с публиканами, но имевший серьезные причины для враждебных действий по отношению к Муцию, к каковым и относилась атака на Рутилия. Речь о многократно упоминавшемся Луции Лицинии Крассе, который по вине Сцеволы, как уже говорилось, лишился возможности справить триумф. Весьма вероятно, что Квинт Муций, добившись отмены решения сената о нем, нажил себе и других *inimici*.

Таким образом, по меньшей мере три консуляра (Марий, Скавр, Аквиллий) имели веские основания желать осуждения Рутилия, а еще один (Красс) – отомстить Сцеволе, что обеспечивало его как минимум дружественный нейтралитет по отношению к обвинителям⁷⁵. Возможно, чьи-то имена нам остались неизвестными. Иными словами, речь уже шла о достаточно внушительной коалиции, противопоставить которой Сцеволе и Рутилию оказалось нечего – Метелл Нумидийский и, вероятно, некоторые из его братьев умерли. При этом нет никаких сведений о том, чтобы кто-то из видных сенаторов высказал недовольство осуждением Рутилия. (Поэтому спорно выглядит тезис Грюэна о разрыве между Марием и некоторыми нобилями после процесса.) Весьма любопытное описание процесса читаем у Цицерона: «Дело велось так, будто бы это происходило в платоновом выдуманном государстве. Никто из защитников не стенал, никто не взывал, никто не скорбел, никто не сетовал, никто слезно не заклинал государство, никто не умолял. Чего же больше? Никто и ногою-то не топнул на этом суде, наверно, чтоб это не дошло до стойков» (*De or. I. 230*; пер. Ф.А. Петровского). Очевидно, публика на суде проявила равнодушие, и о скандале, каким изображают случившееся многие древние авторы (да и сам Цицерон)⁷⁶, говорить не приходится. Кэллет-Маркс пишет об

⁷² Badian 1956, 120, nt. 3 (сугубо предположительно); Bates 1986, 271, 273. По мнению Т. Кэрни, речь идет об эксплуатации золотых месторождений Цизальпинской Галлии (Carpey 1958, 236–237), хотя, строго говоря, в конце II в., о котором пишет ученый, она провинцией еще не была. Другие авторы вообще никак не идентифицируют эту *provincia* (Frank 1955, 150; Shatzman 1974, 202; Alexander 1981, 8).

⁷³ М. Александер (1981, 1–9) считает, что сообщение Аскония (19 С) понимается неправильно и Скавр в Азию не ездил, однако, как он сам признает, непонятно, почему его тогда обвиняли по *lex de repetundis*. К тому же причастность Скавра к азиатским делам Александер все равно не отрицает.

⁷⁴ По мнению Бэйтса (1986, 271, 274), впоследствии Скавра обвиняли не в том, что он сам занимался вымогательством, а в том, что получал деньги от тех, кто добыл их таким образом сам, т.е. от *Mariani*.

⁷⁵ Неудивительно, что Рутилий не обратился к нему за помощью, тем более что он весьма нелестно отзывался о приемах Красса – политического оратора (*Cic. De or. I. 227*).

⁷⁶ *Cic. Brut. 115*. «Цицерон или дает ложную картину политической ситуации [во время процесса Рутилия], или адаптирует ее таким образом, чтобы представить в лучшем свете своих старых учителей [Антония и Красса] и доказать свою мысль о том, что оратор должен быть эмоционален во время защитительной речи» (Fantham 2004, 44). Делает это Цицерон весьма искусно: он не пишет, что Красс и Антоний предлагали свои услуги Рутилию – тот лишь не захотел воспользоваться ими (*Brut. 115: eorum adhibere neutrum voluit*).

отсутствии солидарности между сенаторами, которая, по его словам, стала «решающим тестом в отношении позиций сената в государстве»⁷⁷. Напротив, многие *patres*, похоже, проявили солидарность – в своей неприязни к Рутилию, причем достаточно сильной, поскольку из-за его деятельности серьезно пострадали их доходы или доходы их *amici*⁷⁸. Другие молчали, не желая с ними ссориться из-за *homo novus*, тем более что речь шла о защите прав провинциалов, которые многих (если не большинство) сенаторов вряд ли интересовали. Но при этом и обвинители явно не стремились устроить громкий процесс – их неправота была очевидна, и они удовлетворились самим приговором, в ответ же на недоуменные вопросы незаинтересованных лиц, как такое могло случиться, ответственность за приговор можно было свалить на всадников, его выносивших. (Остается под вопросом, обвинял ли в своих сочинениях кого-либо из сенаторов, кроме Мария – в этом мало сомнений – сам осужденный.)

Знал ли Рутилий (да и Сцевола), что такое может произойти? Прав ли Грюэн, говоря, что его осуждение было «неизбежным и ожидаемым»? Это маловероятно: в последние годы суды выносили оправдательные приговоры сенаторам, и уж тем более полным абсурдом должна была казаться мысль о том, что не просто сенатора, а консулара могут осудить за борьбу с произволом публиканов, даже если пострадали интересы весьма влиятельных людей. Тем не менее это произошло.

Стал ли процесс Рутилия рубежным событием в римской политике того времени, как считал Бэдиан? По-видимому, правильнее считать его знаковым – это был случай экстраординарный, но единичный. Повлек ли он за собой судебную реформу Друза? В ситуации, когда сами же сенаторы (или, точнее, многие из них) и были вдохновителями процесса, это выглядело бы по меньшей мере странно. К тому же Асконий (19 С) прямо указывает, что выступить с проектом судебной реформы Друза побудил Скавр, обвиненный Цепионом *de repetundis*, – он, как известно, был советником трибуна (Сic. Dom. 50); кроме того, из текста Флора, лишь двумя словами упомянувшего осуждение Рутилия, следует, что гораздо большее значение в данном отношении имели процессы Скавра и Филиппа, обвиненных Цепионом (Flor. III. 17. 3–5)⁷⁹.

Тем не менее связь между осуждением Рутилия и попыткой судебной реформы Друза все же у античных авторов прослеживается: у Веллея Патеркула сразу после пассажа о Рутилии начинается рассказ о реформах Друза (II. 13. 2), да и у Флора такая связь до некоторой степени все же присутствует. Цицерон пишет о том шоке, который вызвало осуждение консула 105 г. (Brut. 115), после этого невинные не могли чувствовать себя в безопасности (Scaur. 3d)⁸⁰. Думается, все

Но в другом месте Рутилий сравнивается с Сократом, отказавшимся от речи, написанной для него Лисием (De or. I. 231), и нужное впечатление создано. Поддавшийся ему Грюэн (1968, 205) пишет, будто группировка Метеллов готова была прийти на помощь Рутилию, но тот отказался. Между тем в источниках ничего подобного не сказано.

⁷⁷ См. Kallet-Marx 1990, 137–138.

⁷⁸ Этому, казалось бы, противоречит сообщение Валерия Максима (VIII. 15. 6) о декрете сената, где наместничество Сцеволы ставилось в пример. Однако декрет мог быть принят много позже.

⁷⁹ Kallet-Marx 1990, 125. Версии Аскопия следует также Бэйтс (1986, 274).

⁸⁰ Однако никто до 90 г., как уже говорилось, более осужден не был (Kallet-Marx 1990, 138).

эти пассажи восходят во многом к речам самого Друза, который мог ссылаться на процесс Рутилия, на возмущение честных людей, на страх, вызванный несправедливым решением суда – естественно, что-то преувеличивая и домысливая. Это, правда, противоречит тезису о Скавре как одном из виновников изгнания Рутилия, но лишь по видимости – цель состояла в передаче судов сенаторам, а риторика имела второстепенное значение, поскольку на судьбу Рутилия она уже повлиять не могла. Слышал ли Друз о роли Скавра⁸¹ в этом неприглядном деле? Вполне вероятно; однако последний имел влияние на своего молодого друга и мог преподнести ему все в несколько ином свете, представив главными виновниками случившегося других, а себя – жертвой обстоятельств или даже клеветы.

Подведем итоги. Рутилий Руф отправился в Азию с Муцием Сцеволой в 94 г., откуда вернулся в 93 г. и в этом или следующем году был осужден по ложному обвинению, инициаторами которого явились, вероятно, не только или даже не столько публиканы, сколько влиятельные сенаторы. Процесс стал знаковым событием, ибо впервые после 103 г. подвергся осуждению консуляр, но к каким-либо переменам он не привел и причиной внесения Друзом проекта судебной реформы не был. Однако суд над Рутилием оставил заметный след в греческой и римской традиции (прежде всего благодаря усилиям Цицерона и, видимо, самого осужденного), явившись тем самым ярким событием в истории античной культуры.

Литература

1. Габелко О.Л. 2005: История Вифинского царства. СПб.
2. Гуленков К.Л. 2002: «Эфесская вечерня» // *Studia historica*. Вып. II. М., 107–113.
3. Егоров А.Б. 1989: Социально-политическая борьба в Риме в 80-е гг. I в. до н.э. (К истории диктатуры Суллы) // Социальная борьба и политическая идеология в античном мире. Л., 108–143.
4. Егоров А.Б. 2003: Муции Сцеволы, Лицинии Крассы и Юлии Цезари (римская интеллигенция и кризис конца II – начала I вв. до н.э.) // Мнемон. Вып. 2. СПб., 191–204.
5. Короленков А.В. 2011: Марий и Антоний: от дружбы к вражде // История и историография зарубежного мира в лицах. Вып. X. Самара, 12–22.
6. Короленков А.В. 2013: Марий, Цинна и Метеллы // ВДИ. 4, 112–122.
7. Моммзен Т. 1994: История Рима. Т. II. СПб.
8. Селецкий Б.П. 1978: О некоторых современных исследованиях социально-политической истории Рима 90-х годов I в. до н.э. // ВДИ. 3, 204–215.
9. Alexander M.C. 1981: The Legatio Asiatica of Scaurus: Did It Take Place? // *TAPhA*. 111, 1–9.
10. Alexander M.C. 1990: Trials in the Late Roman Republic, 150 to 49 BC. Toronto–Buffalo–London, 1990.
11. Badian E. 1956: Q. Mucius Scaevola and Province of Asia // *Athenaeum*. N.S. 34, 104–123.
12. Badian E. 1957: Caepio and Norbanus. Notes on the Decade 100–90 B.C. // *Historia*. 6, 318–346.
13. Badian E. 1958: Mam. Scaurus Cites Precedent // *CR*. 8, 216–220.
14. Badian E. 1972: Publicans and Sinners. Private Enterprise in the Service of the Roman Republic. Ithaca (NY).
15. Balsdon J.P.V.D. 1937: Q. Mucius Scaevola the Pontifex and Ornatio Provinciae // *CR*. 51, 1. 8–10.
16. Bates R.L. 1986: Rex in Senatu: A Political Biography of M. Aemilius Scaurus // *Proceedings of the American Philosophical Society*. 130. 3, 251–288.
17. Bernhardt R. 1985: Polis und römische Herrschaft in der späten Republik (149–31 v. Chr.). B.–N. Y.
18. Brennan T.C. The Praetorship in the Roman Republic. Vol. 2. Oxf.
19. Broughton T.R.S. 1951–1952: The Magistrates of the Roman Republic. Vol. I–II. N.Y.
20. Brunt P.A. 1988: The Fall of the Roman Republic and Related Essays. Oxf.

⁸¹ А также другого своего советника – Луция Красса (*Cic. Dom.* 50).

21. *Carney T.F.* 1958: Marius' Choice of Battle-Field in the Campaign of 101 // *Athenaeum*. N.S. 36, 229–237.
22. *Carney T.F.* 1961: A Biography of Marius. Assen.
23. *Fantham E.* 2004: The Roman World of Cicero's *De oratore*. Oxf.
24. *Frank E.* 1955: Marius and the Roman Nobility // *CJ*. 50. 4, 149–152.
25. *Gruen E.S.* 1966: Political Prosecutions in the 90's B.C. // *Historia*. 15.1, 32–64.
26. *Gruen E.S.* 1968: Roman Politics and the Criminal Courts, 149–78 B.C. *Cambr.* (Mass.).
27. *Hendrickson G.L.* 1933: The Memoirs of Rutilius Rufus // *CPh*. 28. 3, 153–175.
28. *Herzog E.* 1884: Geschichte und System der römischen Staatsverfassung. Bd I. Lpz.
29. *Ihne W.* 1879: Römische Geschichte. Bd V. Lpz.
30. *Kallet-Marx R.* 1989: Asconius 14–15 Clark and the Date of Q. Mucius Scaevola's Command in Asia // *CPh*. 84. 4, 305–312.
31. *Kallet-Marx R.* 1990: The Trial of Rutilius Rufus // *Phoenix*. 44. 2, 122–139.
32. *Last H.* 1932: The Senatorial Recovery // *Cambridge Ancient History*. Vol. IX. *Cambr.*, 172–177.
33. *Long J.* 1866: The Decline of the Roman Republic. Vol. II. L.
34. *Luce T.J.* 1970: Marius and Mithridatic Command // *Historia*. 19. 2, 161–194.
35. *Mackay Ch.S.* 2009: The Breakdown of the Roman Republic: From Oligarchy to Empire. *Cambr.*
36. *Marshall B.* 1976: The Date of Q. Mucius Scaevola's Governorship of Asia // *Athenaeum*. N.S. 54, 117–130.
37. *Meier Ch.* 1966: Res publica amissa. Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten römischen Republik. Wiesbaden.
38. *Münzer F.* 1914: Rutilius // *RE*. 2. R. Hlbd 1, 1269–1280.
39. *Münzer F.* 1933: Mucius (23) // *RE*. Hlbd 31, 437–447.
40. *Neumann C.* 1881: Geschichte Roms während des Verfalles der Republik. Breslau.
41. *Nicolet C.* 1966: L'ordre équestre à l'époque républicaine (312–43 av. J.-C.). T. I. P.
42. *Schur W.* 1942: Das Zeitalter des Marius und Sulla. Lpz.
43. *Shatzman I.* 1974: Scaurus, Marius and the Metelli: a Prosopographical Case // *Ancient Society*. 5, 197–222.
44. *Sherk R.K.* 1969: Roman Documents from the Greek East. *Senatus consulta and epistulae to the Age of Augustus*. Baltimore.
45. *Sumner G.V.* 1978: Governors of Asia in the Nineties B.C. // *GRBS*. 19. 2, 147–153.
46. *Van Ooteghem J.* 1964: Caius Marius. Bruxelles.
47. *Waddington W.H.* 1872: Fastes des provinces asiatiques de l'Empire romain depuis leur origine jusqu'au règne de Dioclétien. P.
48. *Weinrib E.J.* 1970: The Judiciary Law of M. Livius Drusus (tr. pl. 91 B.C.) // *Historia*. 19. 4, 414–443.

THE TRIAL OF RUTILIUS RUFUS AND ITS POLITICAL CONTEXT

A.V. Korolenkov

The author presents the following reconstruction of the events connected with the notorious trial of P. Rutilus Rufus. The latter went to Asia together with Q. Mucius Scaevola in 94 BC and returned in 93 BC. In the same year or in the year that followed he was convicted on false charges made not only by publicans (as is generally assumed), but also – and, perhaps, mainly – by influential senators, the *consulares* M. Aemilius Scaurus, C. Marius and Man. Aquilius. The trial was a significant event, a *consularis* being convicted for the first time ever since 103 BC, but it did not lead to any changes, nor was it the cause of Drusus' bill on judicial reform, as Kallet-Marx reasonably argues. Still, Rutilius' trial left a distinctive mark in the Greek and Roman tradition (mainly due to Cicero's efforts, but also presumably to his own, considering his memoirs).

Keywords: trial of P. Rutilus Rufus, roman politics of 90s, Q. Mucius Scaevola, C. Marius, M. Aemilius Scaurus.